

Проект двух императоров: Россия и Франция в Святой Земле

Николай Лисовой, Доминик Кроза, Мария Микилева, Ирина Смирнова

Прошлогодний юбилей Отечественной войны 1812 года заставил исследователей восстановить многие лакуны, пересмотреть и по-новому оценить различные эпизоды и аспекты в сложной и противоречивой истории русско-французских отношений нового и новейшего времени. Среди наиболее перспективных архивных залежей, которых не коснулась ещё рука историка, значительный интерес представляет уникальный совместный русско-французский проект реконструкции большого купола над ротондой храма Гроба Господня в Иерусалиме 1862–1869 гг., ставший первым шагом к сближению России и Франции после Крымской войны. Историю формирования Русско-французского союза, завершившегося соглашениями 1891–1893 гг. и просуществовавшего в качестве политической реальности до 1917 г., начинают обычно с франко-прусской войны и Франкфуртского мирного договора. Это не вполне справедливо. Есть ещё крайне мало исследованный, но от того не менее важный в реальной истории отношений период контактов, поисков, возникавших и обрывавшихся связей, о которых А.З. Манфред в своей классической монографии счёл необходимым сказать лаконично, но чётко: «еще до окончания (Крымской. – *Авт.*) войны и до Парижского мира 1856 г. практически уже началось русско-французское сближение»¹. Комплекс дипломатических, религиозно-культурных, архитектурно-строительных мероприятий, справедливо называемый «проектом двух императоров» – Александра II и Наполеона III, должен с полным правом занять своё место в предыстории Русско-французского союза.

Святая Земля и другие страны библейского региона в их историческом, этническом, религиозном и культурном многообразии представляют уникальный объект исследования в контексте сотрудничества и противоречий русской и европейских дипломатий, Российской империи и западного мира. При этом актуальность духовного аспекта проблемы не отменяет учёта столкновения военно-политических и экономических интересов держав, во многом определяющих современную геополитическую и культурно-гуманитарную ситуацию в регионе. Вне контекста их сотрудничества и конкуренции нельзя также правильно понять и проанализировать масштаб и эффективность реального русского присутствия в Святой Земле и на Ближнем Востоке.

«Дело о куполе» (*Affair de la Coupole*), как называли проект в дипломатической переписке 1830–1860-х гг. и в последующих архивных обозначениях, можно в известном смысле рассматривать в качестве модели противостояния России и Франции в канун и в период Крымской войны и их сближения в последующие десятилетия. Между тем, несмотря на бесспорную актуальность этого первого опыта послевоенного сотрудничества, он практически не привлекал до

сих пор внимания историков. В отечественной и зарубежной историографии не без труда может быть выявлено лишь несколько публикаций с упоминанием проблемы купола – как правило, в обзорных изданиях, посвящённых истории борьбы за святые места. В первую очередь следует назвать документальный двухтомник протоиерея Александра Попова (1858–1912), который начинал свою научную и публицистическую деятельность в конце 1880-х гг. в Иерусалиме, в Русской Духовной Миссии, под руководством архимандрита Антонина (Капустина), а затем продолжал его рубрику «Из Иерусалима» в «Церковном вестнике» и других российских изданиях². Документов, непосредственно связанных с ремонтом купола, в сборнике прот. А.П. Попова не так много, все они датируются 1850-ми гг. (подготовленный историком перед смертью третий том остался не напечатанным, судьба его неизвестна). Их число невелико и во французских изданиях, как XIX столетия³, так и позднейшего времени⁴. Документы из российских архивов впервые всесторонне представлены в большом разделе нового издания Н.Н. Лисового⁵.

* * *

23 мая 1834 г. в результате разрушительного землетрясения пострадали многие святые места в Палестине, в том числе купол ротонды храма Гроба Господня. «Сверх других несчастий, – грабительство, голода и страха за самую жизнь, – писал своему представителю в России патриарх Иерусалимский Афанасий, – случилось сильное и страшное землетрясение, которое продолжалось три минуты сряду. Большой каменный свод всечестного храма (Гроба Господня. – *Авт.*) растреснулся так, что едва совсем не упал. Церковь в монастыре Св. Саввы растреснулась и рассыпалась надвое, подобно как древле раздралась завеса храма. Равно и церковь Предтечи растреснулась так, что находится в опасности совершенного разрушения. Немалое число трещин оказалось и в святом Вифлееме, и в монастыре Честного Креста»⁶.

Землетрясение 1834 г. положило начало «делу о куполе», центральному вопросу европейской дипломатии в Святой Земле, которое завершилось лишь через 35 лет. Большой купол словно притягивал к себе природные и политические молнии и катаклизмы – горел в пожарах 1808 г. и 1934 г., сотрясаясь в землетрясениях 1834 г. и 1927 г., подвергался артиллерийским обстрелам в 1917 г. и 1948 г. Вопрос о его конфессиональной принадлежности становился предметом жестоких споров между православными, армянами и католиками всякий раз, когда возникала необходимость ремонта или реставрации храма Гроба Господня и отдельных его приделов⁷. Купол был одним из ключевых

² Popoff A., *prot.* La question des Lieux Saints de Jerusalem dans la correspondance diplomatique Russe du XIXme siècle. P. I–II. St. Petersburg, 1910–1911.

³ Граф де-ла-Фит-де-Пелляпорк. Состояние церковных дел во Франции // Православное обозрение. 1864. Т. XIII. № 2. С. 214–216; Циркуляр императрицы французоз Евгении о храме Гроба Господня // Странник. 1865. № 4. Апрель. Отд. IV. С. 22–24.

⁴ Collin B. Les lieux saints. P., 1969; Rock F. The Status Quo in the Holy Places. Jerusalem, 1989. P. 41–43, 55–64.

⁵ Россия в Святой Земле: документы и материалы. Изд. 2, испр. и доп. Т. 1. М., 2013.

⁶ Смирнова И.Ю. Отношения Русской и Иерусалимской православных церквей в 30-е годы XIX столетия (по документам архива А.Н. Муравьёва) // Религии мира. История и современность. 2005. М., 2007. С. 185.

⁷ См., например, историю последнего ремонта, так же вызванного землетрясением (11 июля 1927 г.) и растянувшегося практически на весь XX век: Cohen R. Saving the Holy Sepulchre. How Rival Christians Came Together to Rescue Their Holiest Shrine. N.Y., 2008.

пунктов в конкуренции православного и латинского мира, приведшей к Крымской войне. В условиях послевоенного сближения России с Францией после Парижского мира тот же купол стал поводом и предметом проявлений «доброй воли двух императоров» – истоком будущего русско-французского союза.

Вопрос о ремонте и реставрации храма с самого начала тормозился и торпедировался межконфессиональными противоречиями трёх Церквей, в совместном владении которых находился и ныне находится храм Гроба Господня: православных, католиков и армян. В связи с этим в истории восстановления купола можно выделить два различных по характеру периода: первый (1834–1862 гг.) связан преимущественно с дипломатическими усилиями держав защитить или продвинуть интересы своих конфессий в деле ремонта купола, второй (1862–1869 гг.) может быть обозначен как преимущественно архитектурно-строительный, когда на основе подписанных соглашений архитекторы России и Франции совместно осуществили строительные и художественные работы, завершившиеся торжественным освящением нового купола в 1869 г. При детальном документальном рассмотрении внутри каждого из периодов можно вычленить несколько хронологических этапов, соответствующих изменению церковно-политической ситуации в регионе. Французская дипломатия (Франция традиционно считалась главным гарантом и протектором католических интересов в Святой Земле и на Ближнем Востоке) прилагала наибольшие усилия для обеспечения участия католической стороны в строительстве, что отнюдь не было делом само собой разумеющимся. При аналогичном ремонте храма Гроба Господня после пожара в 1810 г. все ремонтно-восстановительные работы были выполнены одной только греческой стороной, исключительно на «православные» деньги, а католики были полностью отстранены. Теперь с помощью французской дипломатии Католическая церковь хотела взять реванш и добиться участия в строительных работах.

Дело в том, что согласно традиционному праву в Иерусалиме, в том числе на территории базилики Гроба Господня, кто строит, ремонтирует, чистит (подметает и моет), тот и владеет данной частью храма. «Глубже вникая в поводы разделений и ссор, – писал хорошо понимавший ситуацию архимандрит Леонид (Кавелин), – трудно обвинять представителей того или иного вероисповедания за избыток религиозной ревности: для них не существует никаких других интересов. Пусть себе изменится порядок всего мира, пусть царства падают и восстают, для них это вещь посторонняя; но пусть кто-нибудь на вершок лишний займёт не принадлежащее ему в храме место, тогда мысль всех тотчас же вомутится, всё придёт в движение и успокоится не прежде, как уничтожатся замыслы ротивника... Чтобы нам понять их, надобно или стать на их место или по крайней мере пожить подолее в сфере волнующих Святой Град исключительно религиозных вопросов, каков, например, недавно был вопрос о покрытии полуразрушенного купола над ротондой Святого Гроба»⁸. Иными словами, «дело о куполе» оказывается самым непосредственным образом связанным с историей status quo – установившегося с XVIII в. и соблюдающегося донине распределения имущественных и религиозных прав каждой конфессии (православные, католики, армяне, копты, сирийцы) в совместном пользовании храма. В итоге любая попытка греческой православной общины приступить к ремонту купола пресекалась католическим и армянским вмешательством. Лишь после Крымской войны, в результате интенсивной дипломатической переписки русского и французского

⁸ Леонид (Кавелин), архимандрит. Старый Иерусалим и его окрестности. М., 2008. С. 60–61.

посольств в Константинополе, русского посольства в Париже и французского в Санкт-Петербурге и соответственно стоящих за ними министерств иностранных дел было достигнуто дипломатическое соглашение, подписанное в 1862 г. в Константинополе, согласно которому все ремонтно-восстановительные работы выполняются совместно русскими и французскими специалистами и оплачиваются русским и французским правительствами, при участии турецкого правительства. Это тройственное соглашение и явилось политической основой второй стадии «дела о куполе», непосредственно связанной с архитектурно-художественными задачами.

* * *

Незамедлительно после землетрясения 1834 г. Святогробское братство в Иерусалиме поставило вопрос о ремонте главного христианского храма и о материальной помощи со стороны Русской Церкви: «Как умолчим о землетрясении, случившемся в 23 день протекшего мая? И как опишем оное? – писали иерусалимские митрополиты в Святейший Синод 20 октября. – Печальны его следствия, и требуют трагического пера Еврипидова, ибо священный купол вселенского святейшего храма Воскресения во многих местах расселся и угрожает падением, и мы поспешаем уже исправить оный, стараясь привести работу к окончанию. На горе Елеонской священная часовня совершенно разрушилась. Потерпели от сего случая и другие святые места⁹. Патриарх Афанасий призвал архиепископа Фаворского Иерофея усилить старания по сбору милостыни в России и сообщить «всем известным в России благотворительным читателям Всесвятого Гроба, да усугубится ревность их к подаванию обильной помощи святым местам»¹⁰. Воззвания Иерусалимской Церкви встретили в России самый сочувственный отклик. 5 октября 1834 г. архиепископ Иерофей писал А.Н. Муравьеву: «В Москве собрано до шести тысяч рублей. Митрополит Московский дал надлежащие по сему предмету приказания всем церквам. Желательно, чтобы ожидаемое пособие имело успех, дабы православные не лишились сего святого места»¹¹. В Святейшем Синоде также было принято постановление о проведении сборов для Иерусалимского престола¹².

Внимание России к бедствиям в Палестине, а также доставленные в Иерусалим денежные средства склонили Ибрагима-пашу, командующего египетскими войсками в Сирии и Палестине, к принятию решения в пользу православных. Как сообщил 25 марта 1835 г. Муравьеву архиепископ Иерофей, «Ибрагим-паша, обращаясь снисходительнее, позволил (грекам. – *Авт.*) починить повреждённые землетрясением стены и в особенности открыть за 640 лет пред сим закрытые, по приказанию Вавилонского и Египетского султана Саладина, окна в святом храме Воскресения; отчего храм Святого Гроба сделался светлее»¹³.

⁹ Библиотека Императорского Православного Палестинского Общества (далее – Библиотека ИППО), Б. III, № 512. С. 380–386.

¹⁰ ОР РГБ, ф. 188, к. 4, д. 24, л. 4.

¹¹ Там же, к. 6, д. 7, л. 9–9 об.

¹² В ответ на направленное 19 августа 1834 г. патриаршее ходатайство 19 октября того же года был издан указ Св. Синода об установлении кружечного сбора в пользу храма Гроба Господня во всех храмах и монастырях империи (см.: *Лисовой Н.Н., Смирнова И.Ю.* Россия и Святая Земля в первой половине XIX века: церковная политика на Православном Востоке. Т. 1. М., 2013. С. 97–98).

¹³ ОР РГБ, ф. 188, к. 6, д. 7, л. 25–25 об.

Фактическое признание местным египетским правительством права на ремонт за греческим духовенством, в свою очередь, положило начало длительному армяно-греческому конфликту. Армяне сумели получить на ремонт султанский фирман из Стамбула. «Враги, вооружаясь явно и тайно против православия, – писал патриарх Иерусалимский Афанасий, – используя бесчисленные свои богатства и обманывая Оттоманское Царство, успели наконец получить новый фирман такой силы, чтобы нас вовсе лишить владения святыми местами, и в силу такого фирмана воспрепятствовали нашим отцам возобновить при Святом Гробе большой купол»¹⁴. В ответ на просьбы иерусалимского священноначалия последовала реакция российского МИД, Синода и лично императора, и в результате «тайных внушений посланника Бутенёва» был издан новый султанский фирман, которым отменялись все фирманы, полученные армянами на владение святыми местами в Палестине¹⁵.

Однако до начала 1840-х гг. движения султанскому фирману так и не было дано. Султанское правительство, как и в других случаях, вело двойную игру: одновременно с изданием фирмана иерусалимские власти получили устное распоряжение во всём препятствовать грекам. Лишь в 1841 г. греки осуществили частичный ремонт пострадавших от землетрясения святых мест, который не коснулся главного предмета спора – повреждённого купола над храмом Гроба Господня. И тут дело было уже не в сопротивлении армян, а в том, что в дискуссию включились французские дипломаты. Ни Франция, ни Россия не участвовали на этом этапе ни в каких ремонтных работах.

Блокировал переговоры вопрос о надписях на куполе: Франция хотела восстановить латинские надписи, какие были до 1808 г., Россия настаивала на сохранении греческих надписей; эти разногласия были преодолены лишь в тройственном протоколе от 5 сентября 1862 г.

13 сентября 1836 г. члены Иерусалимского Синода вынуждены были обратиться за помощью к Николаю I: «Иерусалимские наши братья, помощью влияния своих держав и пребывающих в Египте консулов, лишают нас прав наших на святые места»¹⁶. В начале 1837 г. французские дипломаты возобновили свою наступательную политику, связанную с местами поклонений в Святой Земле, и если сначала «султанский наместник в Египте весьма основательно отвечал франкам, что все дела, до Святого Гроба касающиеся, должны быть решаемы султанами», то вскоре «французский посланник в Константинополе своим влиянием на министра иностранных дел Оттоманской Порты достиг того, что египетский паша переменял своё решение, требуя, чтобы все имеющиеся у патриарха султанские фирманы возвращены были в Иерусалим для надлежащего на месте рассмотрения»¹⁷, то есть туда, где при египетском правлении влияние французской дипломатии могло быть наиболее эффективным.

Архимандрит Порфирий (Успенский), командированный в 1843 г. в Иерусалим, по его собственному определению, «согледатаем Востока», со слов святогробского иерарха 29 декабря того же года записал в дневнике, что хотя в мае 1842 г. в Иерусалим был послан «турецкий чиновник для надзора за починкою купола и за работами в Вифлеемском соборе», по настоянию фран-

¹⁴ Смирнова И.Ю. Указ. соч. С. 192.

¹⁵ РГИА, ф. 797, оп. 8, д. 23576, л. 51–51 об.

¹⁶ Смирнова И.Ю. Указ. соч. С. 109.

¹⁷ Из переписки А.Н. Муравьева и митрополита Филарета (Дроздова) с Патриархом Антиохийским Иерофеем // Православный Палестинский сборник. Вып. 105. М., 2007. С. 300.

цузской дипломатической миссии в Святой Град было доставлено «визирское повеление, коим воспрещена починка купола»¹⁸. «Это было действием французского здесь министра»¹⁹, который заявил Порте, что к оной постройке имеют участие и франки, – писал 20 марта 1843 г. архиепископ Фаворский Иерофей А.Н. Муравьеву. – Между тем, Порта призывала меня и спрашивала об этом; я отвечал министру Сарим-эфенди, что право на постройки принадлежит только грекам по находящимся у них документам всех султанов. А он признался в этом и сказал, что по причине нынешних обстоятельств и политике с Францией нельзя позволить сие дело до времени, и таким образом остановилась доселе постройка купола при всех чрезвычайных расходах об оной. Сообщая Вам сии обстоятельства, кои, кажется, известны с подробностью Министерству иностранных дел, покорнейше прошу не оставить оказать посильное содействие. Мы при помощи Божией надеемся на великую защиту и покровительство богохранимой Российской державы, что умышления наших гонителей франков и армян будут уничтожены, и православие будет торжествовать над ними в назначенные Богом времена»²⁰.

Святогробский монах, впоследствии известный деятель Иерусалимской Церкви, церковный историк Неофит Кипрский при встрече с архимандритом Порфирием в феврале 1844 г. уточнил, что «латины хотели бы починить купол храма Гроба вместе с греками, но сии не хотят их допустить», поскольку святогробцы добивались разрешения самостоятельно «сделать новый купол в церкви Гроба Господня»²¹.

Когда на Пасху 1844 г. в Иерусалим прибыл, как обычно, российский генеральный консул в Бейруте К.М. Базили, это вызвало переполох во французском иерусалимском консульстве, учреждённом в 1843 г. «По рассказу Базили, – записал Порфирий (Успенский) в дневнике 27 апреля 1844 г., – французский консул граф де Лантиви, узнав о приезде его, отложил свою поездку к Иордану и тотчас побежал к паше и спрашивал его: зачем приехал сюда русский генеральный консул: “Ежели он прибыл сюда для того, чтобы починить купол храма, то я не позволю ему этой починки, о чём и даю знать вам, паша, предварительно”, – так говорил бешеный француз. Об этом сам паша рассказывал г-ну Базили»²². Очевидно, в инструкцию, полученную графом Лантиви от французского МИД при назначении в Иерусалим, входило препятствовать исполнению фирмана и не допустить восстановления купола греками.

Сказывались на продвижении «дела о куполе» и пережитки греко-армянского конфликта 1830-х гг. «Главный большой купол храма, – говорил Порфирию находившийся в Иерусалиме армянский Эчмиадзинский патриарх в мае 1844 г., – как вы видите, протекает; мы и католики предлагаем грекам своё пособие для починки его; они не хотят наших денег, отвергают нас. А мы им не уступаем, и вот турки наживаются деньгами, которые мы собираем, случается, и с русских подданных»²³.

¹⁸ Порфирий (Успенский), епископ. Книга бытия моего. Дневники и автобиографические записки. Т. I. СПб., 1894. С. 355.

¹⁹ Речь идёт о бароне Ф.-А. де Буркене (1799–1869), французском поселе в Константинополе в 1844–1851 гг.

²⁰ Из переписки А.Н. Муравьева и митрополита Филарета (Дроздова) с Патриархом Антиохийским Иерофеем. С. 338–339.

²¹ Порфирий (Успенский), епископ. Указ. соч. Т. I. С. 451, 454.

²² Там же. С. 675.

²³ Там же. Т. II. СПб., 1895. С. 95–96.

Отчаянное взаимное сопротивление конфессий «заморозило» решение вопроса на несколько лет. 15 марта 1848 г. при посещении в Константинополе Иерусалимского патриарха Кирилла архимандрит Порфирий, возвращавшийся в Иерусалим уже в качестве начальника Русской Духовной Миссии, вновь завёл разговор о куполе, сказав, что «теперь благовременно начать дело о починке купола над Гробом Господним; ибо Франции не до францискан святогробских: она теперь починивает или разрушает свой собственный дом»²⁴. Однако дело не сдвинулось. Когда в 1849 г. в Иерусалим приехал А.Н. Муравьев, он застал печальную картину: «Совестно смотреть на оборванные листы свинца, и вода проникает во внутрь святылища», – писал он 9 декабря посланнику в Константинополе В.П. Титову²⁵.

Западные дипломаты с самого начала впрямую увязывали вопрос о ремонте купола с общим вопросом о святых местах Палестины. Не случайно консулом в Иерусалим был назначен Поль Эмиль Ботта (1802–1870), известный археолог и дипломат, «человек умный и добродетельный, но католик до изуверства». Так писал о нём в 1850 г. Базили в обстоятельных «Заметках о новых притязаниях латин в Иерусалиме»²⁶. В них приводится мнение французского генерального консула, что «Римская Церковь никогда не согласится не только на уравнивание прав, но даже на признание какого-либо права схизматикам и еретикам на святые поклонения»²⁷. Столь же категоричен был французский посланник при Порте генерал Опик, который в июле 1850 г. от имени всего католического мира вручил великому визирю Мехмету Али-паше официальную ноту с требованием восстановить католическое духовенство в его прежних правах и привилегиях на святые места, восходящих к фирману 1740 г. «И процесс о куполе, и все их притязания клонятся, очевидно, к тому, – писал Базили, – чтобы, как и во времена Готфридов (когда греки были согнаны за Иордан, в Керак), храм Воскресения сделался бы католическим храмом»²⁸.

В этом контексте становились понятными притязания католиков на починку купола. «Всё, что здесь сказано, – уточнял Базили, – относится равномерно к вопросу о куполе. Греки не должны уступать права починки, дарованного Портою; но если Порты, будто из великодушия и в пособие грекам, починит от себя, то эта починка не должна принести никаких изменений в нынешнем материальном порядке и правах на купол, т.е. латинам не должно допустить ход внутри купола, обставленного теперь террасами смежного монастыря греческого..., которые будут в таком случае полем воздушных сражений между ими и греками»²⁹. Впрочем, сохранение стабильности в Иерусалиме Базили признавал более важным, чем починку купола: «Если это несбыточно, то лучше пусть останется открытым ещё лет десять процесс о куполе. Он не провалится на нашем веку, стоит лишь снять внутреннюю штукатурку, которая движется... Если греки добровольно уступят в чём-либо, то это будет порукою грядущих потерь, ибо латины от наступательных действий не откажутся. Нам же, приличия ради и ради славы русского имени, предстоит или предоставить греков и армян их собственным средствам – лихоимству, софизмам,

²⁴ Там же. Т. III. СПб., 1896. С. 252.

²⁵ ОР РГБ, ф. 188, к. 4, д. 2, л. 19–21 об.

²⁶ АВП РИ, ф. 180, оп. 517/1, д. 743, л. 127–130 об.

²⁷ Там же, л. 129 об.

²⁸ Там же, л. 128–128 об.

²⁹ Там же, л. 130.

ябеде, лжесвидетельствам, без коих и правый не прав пред турецким судом, и не мараť рук даже заступничеством при таких процессах; или же открыто вступить в этот спор и воспретить решительно всякое нововведение, обидное для нашей Церкви»³⁰. Российский император два года спустя предпочёл последнее.

В августе–сентябре 1851 г. дело было рассмотрено Портой и представлено на усмотрение султана. На вопрос о том, получит ли Святогробское братство позволение починить купол над Гробом Господним, епископ Порфирий, находившийся тогда в Константинополе, отвечал в дневнике 22 сентября 1851 г.: «Ни вы (греки. – *Авт.*), ни латины и никто другой не получит его; а само турецкое правительство обновит купол, дабы прекратить все споры и тяжбы трёх здешних монастырей. Вероятно, оно пришлёт сюда того же зодчего, который починил храм Св. Софии (Г. Фоссати. – *Авт.*). Так я думаю и то же слышал от нашего посланника Титова»³¹.

В январе 1852 г. был подписан хатти-шериф, подтверждавший права греков, в соответствии со *status quo*, в том числе в храме Гроба Господня. Когда А.П. Озеров, новый поверенный в делах при Порте, заявил министру иностранных дел Турции Али-паше, «что он в хатти-шерифе признаёт важным только утверждение и упрочение прав греков на святых местах и что починку купола над Гробом Господним надобно предоставить грекам», Али-паша отвечал, что «Порта никого не признаёт хозяином на святых местах, а сама хозяйствует тут, и потому намерена перестроить купол на свой счёт»³². Озеров заключил из беседы, что «едва ли греки получают дозволение Порты на перестройку святогробского купола»³³, о чём предупредил и архимандрита Порфирия, с просьбой «ничего не говорить патриарху Кириллу», на что Порфирий отвечал, что «в Иерусалимской патриархии, в мекеме (шариатский суд Иерусалима. – *Авт.*) и во всём Святом Городе уже давно поговаривают о том, что Порта исправит купол на свой счёт»³⁴.

В то же время турки вели себя по-прежнему осторожно, чтобы не сказать двулично. Западные газеты писали, что «купол положено возобновить общим иждивением разных вероисповеданий»³⁵. Представляет интерес беседа патриарха Кирилла с визирем в Константинополе, записанная Порфирием (Успенским) 4 сентября 1852 г.: «Когда визирь сказал, что надобно допустить латин ко гробу Ситти-Мариам и к починке купола над Гробом Господним, тогда патриарх вне себя отвечал: “Ваша воля и ваша власть, но я, как патриарх и как страж святых мест, вверенных мне как верховною властью, так и православными народами, не соглашаюсь на это и осмеливаюсь сказать, что тринадцать миллионов православных подданных падишаха будут опечалены и недовольны таким распоряжением. Лучше лишите меня патриаршего сана или предайте смерти, но не отнимайте прав народных, которых я страж”. Визирь, видя вспышку патриарха, сказал: “Никто не думает лишать вас сана, тем менее предавать смерти”»³⁶.

³⁰ Там же, л. 130–130 об. Позже поверенный в делах в Константинополе А.П. Озеров говорил, что Базили предлагает самый незначительный ремонт.

³¹ Порфирий (Успенский), епископ. Указ. соч. Т. IV. СПб., 1896. С. 143–144.

³² Там же. С. 266.

³³ Там же. С. 267.

³⁴ Там же.

³⁵ Филарет (Дроздов), митрополит. Письма к А.Н. Муравьёву, Киев, 1869. С. 384.

³⁶ Порфирий (Успенский), епископ. Указ. соч. Т. IV. С. 292–293.

Архимандрит Порфирий сообщает и о решении по куполу, которое, как верилось русским представителям на Востоке, должно было положить конец долгим прениям: «Наш государь император писал к султану, чтобы он дозволил грекам починить купол над Гробом Господним, и припомнил ему, что православных подданных в Порте – 13 миллионов, да русских 43 миллиона, в числе которых и он сам. Султан, во избежание прений и требований Франции о куполе, просил у государя соизволение починить сей купол на счёт Порты. Государь согласился на это, но с тем, чтоб поправка была произведена *μέ ἐγκρίσιν τοῦ πατριάρχου*, – при участии патриарха (точнее: с санкции патриарха. – *Авт.*)». «Итак, – подводит итог переговорам Порфирий, – купол будет обновлён турецким правительством, и Афив-бей обязан представить смету расходов»³⁷. Но, как оказалось, до окончательного решения было ещё далеко.

25 сентября 1852 г. Афив-бей, присланный из Константинополя по делу о святых местах, осматривал в первый раз купол с крышею над Гробом Господним, потом самый храм с епитропами греческим, армянским и католическим. Однако изданный султаном фирман не был зачитан в Иерусалиме, а потому не вступил в силу, хотя и был напечатан в европейских газетах. Уже начались военные действия, русские войска вступили в Дунайские княжества, адмирал П.С. Нахимов разгромил турецкий флот при Синопе, когда отец Порфирий записал в дневнике 28 декабря 1853 г.: «Приехал сюда турецкий архитектор, посланный султаном для починки купола над Гробом Господним. Сегодня прочитан фирман о сей починке в присутствии властных магометан и духовенства греческого и армянского. Потом все пошли осматривать купол, дабы узнать, вновь ли надобно сделать его, или только починить. Оказалось, что главные стропила в нём подгнили. Итак, начнётся ходатайство о новой постройке всего купола»³⁸. Но своё продолжение «дело о куполе» получило только после Крымской войны...

* * *

По завершении Крымской войны и заключении Парижского мира французская и русская дипломатия вновь активизировала усилия по вопросу о ремонте купола. Посетивший Иерусалим в 1857 г. А.Д. Сатин свидетельствовал о плачевном состоянии храма. «Храм произвёл на меня грустное впечатление: турок с трубкой, собирающий за вход, недостроенный купол, завешанный циновками и полотном в лохмотьях, бегающие и ругающиеся монахи разных сект. Всё это поражает и глубоко оскорбляет непривычного поклонника»³⁹.

Во всеподданнейшем докладе кн. А.М. Горчакова «О преобразовании Иерусалимской Духовной Миссии» от 23 марта 1857 г. заключительным 16-м пунктом программы деятельности Миссии значилось: «Весьма бы желательно было, чтобы до времени взаимное обладание святынь различными исповеданиями оставалось *in status quo*, если только уже не завладели ими латины после войны; но без всякого сомнения, вопрос о куполе над Святым Гробом не может долее оставаться неразрешённым, потому что купол сей совершенно разрушается. В таком случае, кажется, придётся грекам согласиться на участие

³⁷ Там же. С. 293.

³⁸ Там же. Т. V. СПб., 1899. С. 173.

³⁹ *Сатин А.Д.* Поездка в Палестину в 1857 г. Из записок черноморского офицера // Русский Вестник. 1873. № 8. С. 675.

латин в его возобновлении, и здесь посредничество нашей Духовной Миссии будет весьма полезно для соглашения взаимных непомерных требований»⁴⁰. Практически это означало, что будущий начальник Миссии получал прямое указание работать в соответствующем направлении, чем и занялся епископ Кирилл (Наумов) по прибытии в 1858 г. в Иерусалим. Именно он в конфиденциальных беседах с французским консулом де Баррером летом того же года первым высказал мысль о *личном соглашении* двух императоров в вопросе о куполе, с полным устранением религиозно-политических факторов⁴¹.

В том же 1858 г. в Иерусалиме было открыто русское консульство. По первоначально предполагавшейся вертикали, консул мыслился как светский помощник начальника Духовной Миссии. «Что касается отношений Ваших с начальником Духовной нашей Миссии, – было сказано в инструкции посланника в Константинополе А.П. Бутенёва, – Вы должны быть ему послушным сотрудником и оказывать полное содействие по его востребованию и усмотрению, так как он снабжён от министерства иностранных дел непосредственною инструкциею о всём, что касается духовно-политической деятельности нашей в Иерусалиме». Отдельным пунктом было прописано формирование особых отношений с представителем Франции. «Соблюдая со всеми наружные знаки приязни, Вы должны преимущественно и с самого начала войти в дружелюбные и доверительные отношения с пребывающим в Иерусалиме французским агентом. Таковые отношения установлены как обязательное правило для обоюдных консульств на Востоке взаимным соглашением обоих правительств и легли в основание прилагаемому у сего циркуляру министерства иностранных дел Франции к его консулу в Турции, в своё время сообщённого и всем нашим консульствам. Циркуляр этот имеет тот главный смысл, чтобы агенты обеих держав на Востоке имели в виду совершенное единство видов и действий того и другого правительства по всем прочим политическим вопросам». Сближение с французским консулом облегчалось, по мнению посланника, «существующими уже хорошими связями между ним и начальником Духовной нашей Миссии»⁴².

Большое значение данной теме придавалось и в программе паломничества в Святую Землю вел. кн. Константина Николаевича. 7 мая 1859 г. великий князь записал в дневнике: «Потом разговор с французским консулом Barrère об *neutralization de la Coupole*»⁴³. Из этой краткой записи видно, что французская сторона теперь уже настаивала на «нейтрализации» – с почти не скрываемой целью оттеснить православную Иерусалимскую Патриархию. К тому же году относится анонимное описание из журнала «Современник». «Второе явление, поражающее вас – это купол, который светится как решето. Католики хотели было поправить крышу на свой счёт, греческое духовенство восстало против этого и хотело, в свою очередь, возобновить крышу; католики подняли гвалт; тогда султан объявил (несколько лет тому назад), что крышу возобновит он

⁴⁰ АВП РИ, ф. РИППО, оп. 873/1, д. 694, л. 74–82. См. также: Архив Русской Духовной Миссии (Иерусалим) (далее – Архив РДМ), п. 1, д. 1.

⁴¹ Бутова Р.Б. Записка архимандрита Антонина (Капустина) по делу Русской Духовной Миссии в Иерусалиме (1880) // Православный Палестинский сборник. Вып. 106. М.; СПб., 2008. С. 281–282; «Се восходим в Иерусалим». Иерусалимские дневники архимандрита Киприана (Керна). Иерусалим, 2013. С. 166–168.

⁴² Россия в Святой Земле... Т. 1. С. 59–60.

⁴³ Переписка Александра II с великим князем Константином Николаевичем. Дневник великого князя Константина Николаевича. М., 1994. С. 167.

сам, и вслед за этим прислал и лес в Яффу, который лежит там и до сих пор, и всякий может его видеть. Решение султана взволновало всех христиан... Но теперь, как слышно, крыша будет возобновлена всеми христианами совместно»⁴⁴.

«Вопрос о куполе Гроба Господня здесь очень беспокоит, – писал 5 января 1861 г. Н.П. Игнатъев кн. А.Б. Лобанову-Ростовскому. – Нам приходится почти жалеть, что дело о возобновлении купола в Иерусалиме было поднято, так как оно начинает принимать весьма невыгодное для всего православия и в особенности для нас направление. Всякое, самое малейшее, по-видимому, право, приобретаемое другими вероисповеданиями, доставляет значительный успех соперникам нашим на Востоке и наносит чувствительный ущерб православному духовенству, обладавшему прежде исключительными преимуществами в Иерусалиме. Если предположение Фуад-паши осуществится – греки и всё православное духовенство будут роптать. С другой стороны, если французам удастся устроить дело мимо нас, то моральное значение наше в Турции будет сочтено окончательно погибшим. Сознавая все затруднения, встречаемые при разрешении сего многосложного вопроса, мы убеждены, однако же, что Вы найдёте возможным кончить его желаемым образом и с свойственным Вам искусством»⁴⁵.

Как позволяет думать переписка официальных лиц, от которых зависело продвижение дела о куполе, в первой половине 1861 г. было найдено решение, позволяющее ставить вопрос по-новому: на паритетных началах – не между православным и католическим миром, а между двумя императорами, российским и французским. Не позже августа 1861 г. состоялся первый обмен посланиями между парижским и петербургским кабинетами. Об этом 31 января 1862 г. напоминал французскому посланнику в Константинополе маркизу де Мустье министр иностранных дел Э.-А. Тувенель⁴⁶.

Правительство Александра II после Парижского мира нуждалось в сближении с Францией так же, как правительство Наполеона III – в сближении с Россией. Храм Гроба Господня явился в этой ситуации удобной разменной картой: Франция, соглашаясь на ремонт купола на паритетных с Россией началах, как бы приглашала императора Александра к дальнейшему сотрудничеству. Упустить этой возможности не могла ни та, ни другая сторона. Как бы ни возражали латинский патриарх Иерусалимский Валерга и его единомышленники с католической стороны или митрополит Петербургский Исидор (Никольский) и солидарные с ним члены Синода с российской стороны, – вопрос решался не ими.

Переломным моментом в «деле о куполе» стал 1862 г., когда в Константинополе было заключено дипломатическое соглашение с представителями императора Наполеона III. Уже 29 января Игнатъев в письме к кн. Лобанову-Ростовскому сформулировал основной принцип подхода к решению вопроса: «Обновление купола над часовнею Святого Гроба не представляет с точки зрения политической и гуманитарной особенных затруднений, но, однако же, это один из самых важных и щекотливых вопросов, относящихся до святых мест, и подал уже однажды повод к *casus belli*... Не надобно также терять из виду,

⁴⁴ А.Д. Иерусалим в 1859 году и русские поклонники // Современник. 1859. Т. 78. № 12. С. 281.

⁴⁵ АВП РИ, ф. 180, оп. 517/2, д. 3382а, л. 15–16 об.

⁴⁶ Rock A. Op. cit. P. 55.

что по понятиям, существующим на Востоке и имеющим даже юридическое значение в Иерусалиме – *обновить* какую-либо святыню значит *приобрести* её во владение... При обновлении купола нельзя не быть особенно осторожным, потому что в Иерусалиме самая святыня Гроба Господня считается по праву принадлежащею тем, кто владеет главным куполом. До Крымской войны оба исповедания решились лучше предоставить султану обновление купола, чтобы не было перевеса ни на той, ни на другой стороне»⁴⁷.

Решить этот вопрос, с точки зрения светской дипломатии (и в этом отношении русские дипломаты мало отличались от французских), проще всего было, не только полностью исключив из дальнейшей дискуссии соображения конфессионального характера, но отстранив от участия в ремонте представителей духовенства той или иной конфессии. «Одним из условий при обновлении купола, – писал Игнатъев кн. Лобанову, – должно быть то, чтобы распоряжение постройкою принадлежало не духовенству, а людям светским, которые смотрели бы на предмет этот глазами политики западной, а не исключительно восточной. Тогда только можно надеяться, что устранены будут все препятствия, которые необходимо возникнут при честолюбивом состязании враждующих между собой исповеданий, готовых часто жертвовать и святынею, и общим миром Церкви для удовлетворения своих мелких интересов»⁴⁸.

По убеждению директора Азиатского департамента, как впрочем и других участников обсуждения, «перестройка купола не подаёт повода к возобновлению религиозных щекотливых вопросов, которые легко могли бы вовлечь в политические столкновения, – если только перестройке этой будет дан характер личного предприятия двух государей, отстраняющего какое-либо изменение духовного status quo, определённого в Иерусалиме». Но, с учётом того, что, как хорошо было известно и в Петербурге, и в Париже, «на Востоке, совершенно наперекор Западу, религиозные вопросы имеют первостепенное значение, и политические соображения должны часто с ними соотнобразовываться», посланнику предписывалось «сделать точные и положительные оговорки для охранения интересов православных»⁴⁹. Говоря об «интересах православных», Игнатъев и его адресат имели в виду стремление католического духовенства проникнуть на верхние террасы и к куполам храма Гроба Господня. Как подчёркивалось в письме, «латиняне не имели и не имеют ни малейшего участка в обширных террасах, окружающих оба купола храма, т.е. соборный – над главною церковью Воскресения, принадлежащею грекам, и том, что над часовнею Святого Гроба. Все эти террасы принадлежат грекам, и ход на них устроен чрез греческий монастырь, чему всегда завидовало римско-католическое духовенство... Это обстоятельство заставляет католиков стараться приобрести какой-либо ход к куполу»⁵⁰.

Всплывает в письме и деликатная тема мусульманского гарема на кровле храма. «Так как один угол террасы принадлежит мусульманину, арабскому эмиру, владельцу соседнего дома, – разъяснял Игнатъев, – то латине домогаются приобрести этот участок покупкою близлежащих зданий. Крыша эмирова дома не доходит на сажень, как кажется, до высоты террасы, на которую поднимаются по приставной лестнице, и там устроен, в небольших комнатах,

⁴⁷ АВП РИ, ф. 180, оп. 517/2, д. 3382а, л. 17–20 об.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же.

гарем, прилегающий к самому куполу Святого Гроба, так что несколько окон мусульманской постройки принадлежат куполу». Глава Азиатского департамента считал необходимым «непременно воспользоваться обновлением купола, чтобы уничтожить гарем этот и вообще мусульманские надстройки»: «Для православного духовенства было бы весьма желательно присоединить участок террасы, захваченный мусульманами, к общей террасе греков. Это присоединение было бы довольно естественно, так как греки будут владеть единственными выходами на террасы храма при уничтожении входа из дома эмира. Надо опасаться, что латине захотят присвоить себе этот участок террасы и для этого преимущественно домогаться, вероятно, распространения некоторых келлий небольшого францисканского монастыря, прилегающего к храму, откуда и вход в их обитель»⁵¹.

В феврале–марте 1862 г. посол Франции маркиз де Мустье и российский посланник кн. Лобанов-Ростовский согласовали текст единой ноты, которая должна была быть представлена султану от имени того и другого императора. 28 марта Тувенель сообщил своему послу о полном согласии с содержанием ноты и уполномочил его, при столь же благоприятном ответе из Петербурга, «как можно скорее сообщить её турецкому правительству»⁵². 7 апреля де Мустье и кн. Лобанов вручили ноты министру иностранных дел Порты Али-паше. Как отмечал в донесении Тувенелю де Мустье, «Али-паша принял это сообщение, не выразив какого-либо удивления или неудовольствия. Он даже высказал своё удовлетворение видеть согласие, установленное между восточным и западным христианством в области, которая доныне известна своими разногласиями. Он не преминул сказать, как Высокая Порта, которая страдает от этих разногласий, может теперь поздравить себя с достижением этой цели. В конце он, казалось, вполне проникся чувствами, выраженными в этих двух идентичных нотах и готов был выслушать более благожелательно объяснения, которые князь Лобанов и я представили ему, при этом мы избежали всякого возможного возражения, которое у султанского правительства могло бы возникнуть при сколь-нибудь обоснованном подозрении. Эта краткая беседа, в которой министр уклонился дать какой-либо ответ, но при всём том не выдвинул никаких существенных возражений, оставила в нас чувство удовлетворения. Али-паша сказал нам, что он поспешит передать наши предложения своему суверену»⁵³.

В ответном письме из Парижа содержалась характерная оговорка относительно Великобритании, недавней союзницы Франции в Крымской войне. «Я рекомендую Вам не оставить посла Англии в неведении о сообщении, которое Вы сделали Али-паше вместе с князем Лобановым. С моей стороны я уже дал инструкцию послу его величества в Лондоне сообщить правительству её величества королевы о предложении, которое мы, в согласии с Россией, решили сделать Высокой Порте. Английское правительство с пониманием, как мы и ожидали, отнеслось к целям, которые вдохновляли нас по этому вопросу»⁵⁴. Письмо написано после визита в Иерусалим наследника британского престола на Пасху 1862 г. Месяцем позже французский посол сообщал в Париж: «Принц Уэльский был крайне возмущён несчастным состоянием, в котором он нашёл

⁵¹ Там же.

⁵² *Rock A.* Op. cit. P. 55–56.

⁵³ *Ibid.* P. 56–57.

⁵⁴ *Ibid.* P. 57–58.

храм Гроба Господня при посещении Иерусалима; он выразил весьма резко своё глубокое недоумение князю Лобанову, что ни один из христианских суверенов до сих пор не принял участия в ремонте этого памятника»⁵⁵.

13 мая де Мустье телеграфировал Тувенелю о содержании ответа, подготовленного Али-пашой на предложения Франции и России – о том, что Порта принимает их в принципе, но что султан «желает и сам участвовать в расходах по реконструкции купола и обеспечит все средства, необходимые для выполнения этой работы»⁵⁶. Всем было ясно, что отказать султану, которому принадлежал суверенитет на данной территории, в участии в престижном для него проекте было и невозможно, и не нужно. «Коль скоро султан потребовал участия в реконструкции купола, – отвечал Тувенель, – мы не можем оспаривать этого права; и я согласен с Вами и князем Лобановым, что мы должны принять предложения, которые сделал Вам Али-паша. Вы можете поэтому, мой дорогой маркиз, так же как и представитель России, сообщить Порте, что мы согласны с его величеством»⁵⁷. В том же духе Тувенель написал и французскому поверенному в Санкт-Петербурге.

Относительно конкретных деталей сразу возникли разночтения. В проекте ответа Али-паши содержалось требование, чтобы существовавшая форма купола и его убранство были сохранены и реконструированы в том виде, какой имели после ремонта 1810 г., без каких-либо модификаций. Это, по утверждению Порты, составляло желание различных общин, – в первую очередь, разумеется, православных. Дело в том, что купол, как всем было хорошо известно, был покрыт после ремонта 1810 г. греческими надписями, представлявшими в тот момент безусловную инновацию, против которой безуспешно протестовали католики. Поэтому парижский кабинет счёл это требование Али-паши неприемлемым. Более того, для нового запланированного соглашения, с точки зрения Франции, принципиальным было требование, «чтобы новый купол не содержал никаких украшений или надписей такого рода, которые провоцировали конфликт между различными исповеданиями»⁵⁸.

Были у Тувенеля расхождения с кн. Горчаковым и по вопросу о допустимом масштабе предстоящей реконструкции. Канцлер настаивал на том, чтобы «вопрос касался единственно купола, но не стен здания», Тувенель возражал, что «решение этого вопроса зависит существенным образом от технического исследования, которое должны проделать архитекторы, прежде чем приступить к какой-либо работе», и следовательно, никакие ограничения не могут быть оговорены предварительно. Наконец, в конце мая Али-паша сообщил официальный ответ Порты на коллективную ноту послов Франции и России. Относительно деталей и обеспечения защиты прав всех заинтересованных сторон от имени Порты было предложено подписать прелиминарное соглашение. В июле–августе были достигнуты договорённости о содержании будущего протокола и о сроках его подписания. 7 августа Тувенель встречался со специально вызванным по вопросу о куполе в Париж Э. де Баррером. Соглашаясь в принципе с мнением генерального консула в Иерусалиме, а также посла Франции в Константинополе о том, что финансовое участие в ремонте турецкого султана «не выдерживает критики и несообразно с элементарной логикой, и ремонт

⁵⁵ Ibid. P. 60.

⁵⁶ Ibid. P. 58.

⁵⁷ Ibid.

⁵⁸ Ibid. P. 60.

должен быть совершён исключительно христианскими кругами», министр однако считал лучшим выходом из положения покрытие расходов общими средствами, так как это снимало вопрос об «участии в ремонте всех духовных христианских организаций» и связанных с ним нежелательных недоразумений. Что касается характера реставрации внешнего вида купола, Тувенель заявил, «что он лично не имеет ничего против раскрашивания купола Гроба Господня общими эмблемами, а не только чисто греческими»⁵⁹.

С другой стороны, французам пришлось принимать меры для почтительного, но вполне категоричного отстранения папы от участия в пресловутом ремонте: «Императорский посол в Риме получил сообщение от кардинала Антонелли, в котором Святой Престол объявил, ища нашей поддержки, о намерении провести переговоры с Османским правительством с тем, чтобы взять на себя исключительно оплату необходимого ремонта, – сообщал Тувенель французскому послу в Вене герцогу А. де Грамону 22 августа 1862 г. – Мы можем лишь воздать должное чувствам, выраженным Святым Престолом в этом документе; но мне не нужно входить в дальнейшие обсуждения, чтобы показать трудности, какие подобный шаг встретил бы в Константинополе, поскольку султан не хотел бы ограничивать себя какими-либо обязательствами. Любая акция, направленная исключительно в пользу одной из двух главных общин, обязательно вызовет противодействие другой и, как следствие, породит целый ряд разногласий и конфликтов, возникающих в таких случаях». Министр пояснял, что традиционное «соперничество в Палестине латинян и греков постоянно порождает трудно удовлетворимые для Порты дипломатические требования обеих держав. Действуя совместно с Санкт-Петербургским Кабинетом, мы не можем принимать во внимание исключительных прав латинян и пытаться любым способом усилить позиции наших верующих. Труды, предполагаемые Римским двором, представляются мне в этом смысле излишними»⁶⁰.

Перед самым отъездом из Константинополя (с ноября 1862 г. в управление посольством вступил исправляющий должность поверенного в делах Е.П. Новиков), кн. Лобанов-Ростовский успел довести дело до заключения тройственного соглашения. Протокол был подписан 5 сентября 1862 г. В силу важности документа приведём его текст целиком в переводе с французского: «Его величество император Франции и его величество император России, движимые чувством благородной заботливости о сбережении святыни, в равной мере высокопочтительного различными христианскими общинами, выразили Блистательной Порте желание произвести, за их счёт, ремонт купола храма Гроба Господня в Иерусалиме; и его величество султан благосклонно принял их пожелание и, более того, выразил намерение участвовать в деле, близко касающемся значительной части подданных его империи. Нижеподписавшиеся послы Франции и России и министр иностранных дел Турции, надлежащим образом уполномоченные их правительствами, договорились о следующих положениях: 1. Необходимость предотвратить неминуемое разрушение купола храма Гроба Господня совершенно очевидна; Францией, Россией и Турцией без промедления будет проведён ремонт этого сооружения за общий счёт и в равных долях. 2. Во исполнение чего два архитектора, назначенные один – французским правительством, другой – русским правительством, и одобренные османским правительством, как можно раньше приедут в Иерусалим, чтобы проверить

⁵⁹ АВП РИ, ф. 180, оп. 517/2, д. 3382а, л. 41; Архив РДМ, п. 51, д. 953.

⁶⁰ Rock A. Op. cit. P. 64.

нынешнее состояние купола, установить характер и объём предстоящих работ, оценить их стоимость и составить приблизительную смету расходов. Они представят результаты исследования в совместном рапорте, и, как только их предложения будут одобрены тремя соответствующими правительствами, они, по соглашению с консулами Франции и России и с местной властью, примут незамедлительные меры к осуществлению работ. Консулам Франции и России и паше – губернатору Иерусалима будут предоставлены кредиты, чтобы по мере необходимости покрывать расходы. 3. Архитекторам будет предписано избегать в украшении нового купола любой надписи или любой символики, характер которых мог бы спровоцировать обиду какой-либо из христианских общин. 4. Османское правительство предоставит все административные и материальные льготы, которые будут необходимы для быстрого и полного выполнения работ, для чего без промедления будут переданы распоряжения паше – губернатору Иерусалима»⁶¹. В соответствии с настояниями российского МИД к соглашению был добавлен параграф, касающийся правового аспекта вопроса: «(5) Было решено, что настоящее соглашение не даёт никаких новых прав ни одной из различных христианских общин или кому-либо из участников, подписавших этот протокол, и не посягает на какое-либо из прав, которые были получены ими прежде»⁶².

Согласно второму пункту протокола, для руководства ремонтно-строительными работами были назначены с российской стороны архитектор М.И. Эппингер, возглавлявший в эти годы русское строительство в Иерусалиме, с французской – Карл Маусс, приглашённый в Палестину для реконструкции базилики Св. Анны, подаренной султаном Наполеону III в благодарность за участие в Крымской войне. 9 ноября 1862 г. кн. Лобанов-Ростовский направил М.И. Эппингеру инструкцию, «каковой надлежит руководствоваться совместно с архитектором от имени французского правительства г-ном Мауссом». В сопроводительном письме содержатся некоторые уточнения, предназначенные, как писал посланник, «исключительно личному вниманию» Эппингера. «Само собою разумеется, – писал кн. Лобанов, – что работа по реставрации должна быть сконцентрирована исключительно на куполе Гроба Господня, т.е. на том, что выше Гробницы Иисуса Христа (т.е. Кувуклии. – *Авт.*). Желательно, чтобы особая форма купола, не поддерживающая крест у верхушки круглой крыши (имеется в виду так называемое «око». – *Авт.*) осталась бы в своём нетронутом виде в соответствии с посвящённой этому традицией, дабы тем самым избежать всякое возможное недоразумение, могущее возникнуть между различными христианскими колониями в отношении религиозных символов»⁶³.

21 ноября 1862 г. Эппингер получил из Константинополя инструкции и копии с протокола и письма визиря по делу перестройки купола над храмом Святого Гроба. В тот же день он вместе с управлявшим тогда русским консульством в Иерусалиме Н.Ф. Гладким (новый консул А.Н. Карцов ещё не прибыл к месту службы) встречался с иерусалимским губернатором Суррейя-пашой и с французским консулом де Баррером. На другой день Эппингер и Маусс отправились в храм Гроба Господня для осмотра купола и обсуждения пред-

⁶¹ Noradounghian G., *effendi*. Recueil d'Actes Intenationaux de l'Empire Ottoman. T. 3. Paris; Leipzig; Neuchatel, 1902. С. 204. См. также: Rock A. Op. cit. P. 41–43.

⁶² Ibid.

⁶³ Архив РДМ, п. 51, д. 953. Аналогичная инструкция была отправлена К. Мауссу послом Франции в Константинополе.

стоящих работ. 23 ноября помощник Эппингера приступил к съёмке с натуры внутреннего разреза всей ротонды вокруг Кувуклии (часовни Гроба Господня) вместе с куполом, а также к подготовке плана этой части храма.

Эппингер предложил своему французскому коллеге составить коллективный рапорт за двойной подписью для представления в посольства. Через три дня Маусс получил проект составленного Эппингером рапорта, 28 ноября русским архитектором был получен французский вариант. Поскольку Маусс не понимал по-русски, а Эппингер, по собственному признанию, плохо объяснялся по-французски, дальнейшие переговоры велись через управляющего консульством Гладкого. Относительно большинства пунктов рапорта Эппингер принял редакцию французского архитектора, но в некоторых пунктах расхождение в понимании было очевидно. Оба сходились в том, что существующий, пришедший в ветхость купол необходимо сломать, как и каменный тамбур под ним. Столпы, и сегодня держащие ротонду, были найдены достаточно солидными, чтобы служить прочным основанием нового купола⁶⁴. Его наружную и внутреннюю конструкцию предполагалось сделать из железа, оставив в центре открытое круглое отверстие («око»). «О деревянной конструкции нового купола, – поясняет Эппингер, – мы не рассуждали, потому что дерево – материал слишком недолговечный. О сделании же свода купола из камня тоже не рассуждали, потому что существующие столпы ротонды были бы недостаточно прочным основанием, чтоб нести тяжесть каменного свода и в таком случае пришлось бы, может быть, перестроить вновь также и стены, окружающие нижнюю и верхнюю галереи вокруг ротонды. Таковая же перестройка была бы уже не реставрация купола, а постройка храма вновь». За пределы инструкции Эппингер не считал возможным выходить, памятуя общий принцип «при возможно меньшем изменении настоящего, сохранить оное в будущем при условиях солидности и прочности, как здание древнее и чтимое». Ввиду наличия разночтений с текстом, отредактированным Мауссом, Эппингер счёл за лучшее направить в Константинопольское посольство свой вариант рапорта, с редакционными примечаниями французского архитектора и целым рядом сопутствующих документов⁶⁵.

О схождениях и разногласиях двух архитекторов было доложено патриарху Иерусалимскому Кириллу и турецкому губернатору города Суррейя-паше. Как сообщал Новикову Эппингер, «патриарх Кирилл сам отправляется по этому делу в Константинополь с этим же пароходом и везёт с собою модель, которая вполне может дать понятие о всех деталях как храма, так и окружающих построек, смежных со стенами самого храма». В итоге российской стороне удалось отстоять право греческого духовенства контролировать лестницы и входы на террасы, окружающие купол, и на его верхнюю галерею, которыми, по настоянию французского архитектора, должны были бы пользоваться «для своих нужд *разные* духовенства»⁶⁶.

29 декабря 1862 г. в Иерусалим был назначен консулом А.Н. Карцов. Поверенный в делах в Константинополе Е.П. Новиков в отношении к нему от 19 февраля 1863 г. счёл нужным дать подробные разъяснения: «Главный

⁶⁴ Подробнее см.: Лисовой Н.Н. Откровения Святой Земли. Опыт исторического путеводителя. М., 2012.

⁶⁵ Полный текст рапорта с вариациями К. Маусса см.: Россия в Святой Земле... Т. 1. С. 598–603.

⁶⁶ АВП РИ, ф. 180, оп. 517/2, д. 3382а, л. 45–55 об.

вопрос, на который Вы должны обратить заботливое Ваше внимание, есть дело о возобновлении купола над храмом Гроба Господня... В предупреждение бесконечных и опасных раздоров, которые неминуемо возникли бы между соперничающими в Иерусалиме духовенствами насчёт степени участия каждого из них в обновлении купола, Государю императору благоугодно было войти в соглашение с императором французов о совершении этого дела непосредственно от лица обоих государей. Его величество султан проявил желание, с своей стороны, участвовать в оном в одинаковой мере издержек. Соглашением этим (имеется в виду протокол от 5 сентября 1862 г. – *Авт.*) устранялось всякое постороннее вмешательство, отклонялось участие местных духовенств, и обновлению купола придавался характер высоко-бескорыстного христианского предприятия. В этих видах протокол пятым своим пунктом оградил неприкосновенность политического status quo прав, принадлежавших до помянутого соглашения различным христианским исповеданиям в Иерусалиме». Новиков подчёркивал, что неизбежных архитектурных изменений в наружном виде купола *«должно быть как можно меньше»*, и они «ни в каком случае не должны заключать в себе посягательства, с чьей бы то ни было стороны, на политический status quo прав... Труд архитекторов – чисто технический, чуждый всяких политических соображений и должен иметь в виду одну только прочность возводимого здания». Карцов должен был «наблюдать за занятиями архитекторов, помогать Эппингеру советами и руководством, служить ему посредником и помощником в сношениях его с местными властями и духовенством, предупреждать, в доверительных объяснениях с французским консулом, могущие возникнуть недоразумения и споры». По сообщениям Эппингера, Новикову было известно, что французский консул в Иерусалиме де Баррер имеет тенденцию «вмешиваться непосредственно в занятия г. Маусса, стараясь проводить в них свои личные политические цели». Карцову предписывалось «поставить на вид г. де Барреру, что в Иерусалиме решается только техническая, чисто архитектурная сторона дела, а все дипломатические переговоры по вопросам до неё не касающимся, предоставлены непосредственному соглашению самих правительств и их представителей в Константинополе»⁶⁷.

В соответствии с утверждённым Александром II 15 января 1863 г. всеподданнейшим докладом кн. Горчакова, «на производство предварительных работ» (строительство лесов и плафона, временно изолировавшего основное пространство храма от ремонтных работ) из сумм Государственного казначейства было ассигновано 50 тыс. франков – половинная доля от общей стоимости этих работ (по предварительным французским подсчётам)⁶⁸. Однако работы по реконструкции купола вновь остановились (до 1866 г.), и построенные леса успели сгнить.

29 мая 1863 г. Новиков после переговоров, происходивших между ним и французским послом по «делу о куполе», дал указания Карцову «к работам ни в каком случае не приступать впредь до разъяснения основных начал»⁶⁹. С этими последними вышла очередная и очень серьёзная заминка. Франция продолжала настаивать на так называемой «нейтрализации купола», о которой ещё в 1859 г. де Баррер беседовал с вел. кн. Константином Николаевичем и которая сводилась в конечном счёте к ликвидации православного греческого владения

⁶⁷ Там же, д. 1808, л. 60–61.

⁶⁸ Там же, ф. СПб ГА I-1, оп. 781, д. 39, л. 10–11.

⁶⁹ Там же, л. 55.

и контроля. Но русские дипломаты в этом случае стояли твёрдо. Как писал Новиков Карцову в секретной депеше 18 сентября 1863 г., «если бы Франция не отказалась от своего намерения нейтрализовать купол, мы будем поставлены в необходимость отказаться от тройственного уговора и предоставить одному султану, как поземельному владельцу, перестройку купола на собственный счёт и на основании status quo прав и обладания, с чем вполне соглашался и турецкий министр иностранных дел»⁷⁰. Единственно, что позволительно и даже необходимо было сделать в течение объявленного аута, – это заготовить предложенную Эппингером «точную и подробную модель купола в его нынешнем виде», необходимую «для разъяснения всех недоразумений, которые могли бы возникнуть в продолжение работ, а также как единственно верное ручательство точного сохранения status quo»⁷¹. В конце октября Новиков разъяснил турецкому министру иностранных дел, что «покушения латинского духовенства на приобретение доступа к куполу Святого Гроба противны как принадлежащим грекам правам, так и праву Турции на Кустодию Храма». Али-паша, со своей стороны, заверил российского представителя, что никакие строения, прилежащие к зоне купола, «ни в каком случае не могут быть уступлены латинскому духовенству. Этим устраняется всякая опасность распространения францисканского монастыря в вышину»⁷². На предполагаемую стройплощадку было разрешено «пропускать только архитекторов, но не строительные материалы».

Дипломатические задержки совпали и с занятостью Эппингера по проекту Русских построек, которые были завершены лишь в 1864 г. Он уехал из Иерусалима осенью того же года, а отчёты Палестинского комитета, в которых основной частью была именно его отчётность как Главного строителя, были сданы лишь в 1866 г. Только после этого Эппингер реально мог быть задействован на «проекте двух императоров».

В январе 1866 г. Горчаков представил новый всеподданнейший доклад по вопросу о куполе. В нём сообщалось, что «переговоры, начатые в 1861 г. между нашим и французским правительствами относительно возобновления купола над храмом Святого Гроба в Иерусалиме, приближаются к концу, и что в непродолжительном, вероятно, времени последует и окончательное соглашение с французским правительством по сему важному вопросу»⁷³. В связи с этим затрагивалась тема финансирования строительства. «Наше правительство, – напоминал вице-канцлер, – обязалось принять на себя половину всех издержек по возобновлению купола, но точного определения этих издержек сделать невозможно, так как общая смета по производству работ ещё не была составлена. Между тем, принимая во внимание, что, по приблизительному расчёту на производство работ по возобновлению купола потребуется 1 миллион франков, и что турецкое правительство, быть может, также выразит желание принять на себя часть издержек, на долю нашего правительства выпадет расход от *восемьдесят* до *ста двадцати тысяч* рублей (выделено в документе. – *Авт.*), не считая отпущенных уже в 1863 г. в распоряжение миссии нашей в Константинополе 50 т. франков на производство предварительных работ по куполу». Соответственно, испрашивалось Высочайшее повеление об отпуске необходимой суммы в распоряжение МИД. Размер испрашиваемой Эппингером

⁷⁰ Там же, ф. 180, оп. 517/2, д. 1808, л. 43–43 об.

⁷¹ Там же, л. 43 об.

⁷² Там же, л. 36–36 об.

⁷³ Там же, л. 8–10 об.

пенсии был урезан в три раза – до 2 тыс. руб. В качестве помощника зодчего в Иерусалим направлялся В.А. Дорогулин, который уже много лет работал с Эппингером на Русских постройках.

В мае 1866 г. консул Карцов «на свой риск», т.е. не согласовав с начальством, принял решение отправить «купольных архитекторов» в командировку в Париж – чтобы научились там, по выражению архимандрита Антонина (Капустина), архитектурному «галлицизму»⁷⁴. По их возвращении перед непосредственным началом работ на куполе была проведена инвентаризация лампад, кадил, ковров и иного убранства, находившегося в храме Святого Гроба, с точным указанием мест размещения, чтобы их возвращение на место не составило повода для каких-либо споров между греками, армянами и католиками. В комиссии по инвентаризации участвовали советник и драгоман французского консульства, представитель иерусалимского губернатора Астерьядес, русский и французский архитекторы, а также представители Кустодии Святой Земли отцы-францисканцы Льёвен, Колеман и Мартино⁷⁵. От каждой из конфессий было назначено по сторожу для хранения стройматериалов.

Установка плафона, призванного защитить литургическое пространство храма от ремонтных работ, была завершена 30 мая 1867 г. Обозреть работы собрались французский генеральный консул де Баррер, русский консул В.Ф. Кожевников с женой и свояченицей (женой американского консула), другие представители иерусалимского бомонда, архитекторы и, конечно, русские паломники. Прибыл также губернатор Назиф-паша со своей свитой. Дамы украсили цветами распятие, водружённое по этому случаю.

24 февраля 1868 г. князь Горчаков докладывал Александру II, что «работы по перестройке купола будут окончены, согласно с заявлением нашего архитектора, в сентябре месяце текущего года». К этому времени для верхней галереи храма было заказано сто лампад, изготовление которых по рисунку, утверждённому императором и одобренному патриархом Кириллом, взял на себя петербургский фабрикант Гаевский. Оплату заказа (8 500 руб.) царь принял на себя – «из Кабинета, от имени императрицы и моего»⁷⁶. Если не к сентябрю, то к октябрю 1868 г. работы действительно завершились. Все участники проекта были награждены. Эппингер получил орден Св. Владимира 3-й степени, В.Ф. Кожевников – тот же орден 4-й степени, В.А. Дорогулин и П.Д. Левитов – по ордену Св. Станислава на шею, секретарь консульства А.Е. Васильевский – «маленького Станислава», т.е. 4-й степени, А.Н. Карцов – чин статского советника, а драгоман русского консульства М.И. Шейх-Ашири был вознаграждён определением его детей на казённый счет в учебные заведения в России⁷⁷. В связи с тем, что «работы по возобновлению купола окончены с полным успехом», Эппингеру, как и было обещано, назначили пожизненную пенсию 2 тыс. руб. серебром в год⁷⁸.

Оставалось восстановить внутреннее убранство храма. 15 февраля 1869 г. в присутствии французского и русского советников консульств иконы и картины были возвращены на прежние места: францисканцы развесили священные изображения на принадлежавших им пяти колоннах ротонды, греки и армя-

⁷⁴ Библиотека ИППО, Б. IV, № 853/8, с. 54.

⁷⁵ *Rock A.* Op. cit. P. 44.

⁷⁶ АВП РИ, ф. СПб ГА I-1, оп. 781, д. 44, л. 16–17.

⁷⁷ Библиотека ИППО, Б. IV, № 853/10, с. 215.

⁷⁸ АВП РИ, ф. СПб ГА I-1, оп. 781, д. 44, л. 92–92 об.

не – на своих. При этом, поскольку старые католические изображения были полностью испорчены в период повреждения купола, а новые ещё не прибыли из Рима, временно были использованы другие картины из Испании, тех же размеров. 24 марта того же года все пять картин были заменены. 31 марта 1869 г. в храме в присутствии Иерусалимского патриарха, французского и русского консулов и губернатора Иерусалима состоялась торжественная церемония, ознаменовавшая окончание работ. Консул де Баррер, объявив, что работы по куполу, предпринятые тремя державами – Турцией, Францией и Россией – успешно завершены, вручил паше ключи от верхней галереи и новой террасы с лестницей, а тот передал их по принадлежности православному патриарху.

На этом «проект двух императоров» был завершён, дипломаты могли быть довольны, чего, правда, нельзя сказать об иерусалимском духовенстве. Как православная, так и католическая сторона не были вполне удовлетворены достигнутыми результатами. В Петербурге обоснованно опасались новых претензий со стороны Святогробского братства. «Греческое духовенство не должно надеяться увлечь нас на путь захватов и преувеличенных требований, – предписывали из МИД Кожевникову в июле 1869 г. – Вы обязаны всеми силами умерять раздражение сторон и сохранять постоянно полное спокойствие и беспристрастие»⁷⁹.

Обращает на себя внимание политический контекст, а может быть, и приуроченность завершения дела о куполе к 1869 г. – в том же году готовились к открытию Суэцкого канала, на торжества которого ожидалось прибытие многих августейших особ европейских держав. Канал, проектирование и строительство которого проходило почти одновременно с иерусалимским проектом, был торжественно открыт для судоходства 17 ноября 1869 г. По пути на торжества Иерусалим посетили австрийский император Франц-Иосиф и прусский кронпринц Фридрих-Вильгельм. Параллельность во времени двух проектов, независимо от разницы строительных и финансовых объёмов (канал – 200 млн франков, купол – 1 млн франков) лишний раз свидетельствует о значении, которое придавалось французским правительством совместной с Россией работе в Иерусалиме.

К середине следующего года было покончено и с финансовыми расчётами. Стоимость всех работ по куполу составила в общей сложности 1 061 273 франка 37 сантимов, из которых половину, т.е. 530 636 франков, должно было уплатить российское правительство. Ввиду неотложной необходимости рассчитаться с французскими подрядчиками, получившими уже уплату от французского правительства, кн. Горчаков испрашивал Высочайшего соизволения «на дополнительный расход в 24 130 рублей 87 копеек»⁸⁰. Всего русский вклад составил около 194 тыс. руб.

Таким образом, объединёнными усилиями двух держав была совершена большая беспрецедентная работа по сохранению и реконструкции важнейшего памятника христианской культуры – храма Гроба Господня в Иерусалиме. В целом, «дело о куполе», крупнейший совместный проект русско-французского культурного сотрудничества второй трети XIX в., следует бесспорно считать достижением русской дипломатии. С одной стороны – была найдена ниша, на которой реально в первые годы после Крымской войны можно было строить мирные дружественные отношения с бывшим противником. С другой

⁷⁹ Там же, д. 45, л. 73.

⁸⁰ Там же, д. 46, л. 29–31.

стороны, удалось добиться устранения чрезмерных католических претензий, сохранив status quo прежних султанских фирманов. Изучение опыта взаимодействия России и Франции, православной и католической держав, на поприще религиозной и гуманитарной деятельности в сложном и неоднозначном регионе Ближнего Востока и сегодня имеет большое значение для правильного понимания ближневосточного и прежде всего иерусалимского культурного и духовного наследия в современной культуре России и Франции. Комплексный анализ проблемы, проведенный в настоящей статье на широком, впервые вводимом в научный оборот архивном материале, в контексте осмысления истории русско-французских отношений, авторы рассматривают как первый шаг в исследовании специфики и эффективности учреждений и мероприятий двух держав дипломатического, церковного, научного и гуманитарного характера в Иерусалиме и Святой Земле.

К вопросу о присоединении Дагестана к России (к 200-летию Гюлистанского договора)

Магомед Гасанов

Ход и значение присоединения Дагестана к России – одна из наиболее актуальных и сложных проблем в истории Северного Кавказа. Этой теме посвящены многочисленные труды: тематические сборники, материалы научных конференций, обзорные статьи. Она получила освещение как в коллективных работах¹, так и в монографических исследованиях Х.Х. Рамазанова, Н.А. Смирнова, Х.-М.О. Хашаева, Р.М. Магомедов, В.Г. Гаджиева, Ш.А. Гапурова, и др.² Исследователями освоен обширный круг источников. Вместе с тем взгляды историков на время присоединения дагестанских народов к России весьма противоречивы. Вопрос этот не сводится к простому уточнению хронологических рамок, но имеет принципиальный характер, поскольку он тесно связан с различным пониманием истории отношений между Россией, Кавказом, Ираном и Турцией.

Взаимоотношения народов Кавказа и России проходили через разные периоды. Была тяга к единству, но были также конфликты и непонимание.

© 2013 г. М.Р. Гасанов

¹ История Дагестана. Т. I. М., 1967; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988.

² Рамазанов Х.Х. Колониальная политика царизма в Дагестане в первой половине XIX в. Махачкала, 1956; Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX вв. М., 1958; Хашаев Х.-М.О. Прогрессивное значение присоединения Дагестана к России. Махачкала, 1958; Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965; Магомедов Р.М. Россия и Дагестан. Махачкала, 1987; Гапуров Ш.А. Северный Кавказ в политике России в начале XIX века (1801–1815 гг.). Нальчик, 2003; Гасанов М.Р. Дагестан в истории Кавказа и России. Махачкала, 2004; он же. Из истории русско-дагестанских взаимоотношений. Махачкала, 2010; Касумов Р.М. Дагестан в политике противоборствующих держав на Кавказе от Петербургского договора до Гюлистанского трактата (1723–1813), Махачкала, 2012; и др.